

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных
языков и литературы Херсонского
государственного университета*

РОМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕКАМЕРОНОВСКОЙ НОВЕЛЛЫ В ПОЭМЕ ДЖ. КИТСА "ИЗАБЕЛЛА, ИЛИ ГОРШОК С БАЗИЛИКОМ"

Статья вторая

В предыдущей статье мы рассмотрели причины, побудившие Дж. Китса обратиться к попытке поэтического переложения новеллы Дж. Боккаччо, а также основное отличие произведений английского романтика и поэта итальянского Ренессанса: Дж. Китс предметом своей поэмы делает Любовь, понимаемую как высокое чувство, которое выключает влюбленных не только из меркантильности окружающего мира, а также из реальности. Продолжая анализ поэмы Дж. Китса "Изабелла, или Горшок с базиликом", мы рассмотрим образы природы и смерти, элементы иррационального, а также специфику реализации мотивов и образов жанра "romance", традиции которого, на наш взгляд, использует Дж. Китс в своей поэме.

Процесс убийства молодого влюбленного не описывают ни Дж. Боккаччо, ни Дж. Китс, хотя последний вводит события, непосредственно предшествующие преступлению: братья приказывают юноше отправиться с ними по торговым делам, Лоренцо успевает увидеться с Изабеллой, обещая ей вернуться, и уезжает с хозяевами. В новелле братья отправляются с Лоренцо за город, "болтая и смеясь... по-прежнему", и, "придя в одно очень уединенное, отдаленное место" [1], убивают молодого человека. Дж. Китс, во-первых, конкретизирует место действия: братья с их жертвой ("their murder'd man") выезжают из Флоренции, направляясь к Апеннинам, пересекают реку Арно и углубляются в лес. Во-вторых, поэт акцентирует внимание на психологии персонажей посредством восприятия природы: журчание реки, танцующий под ветром камыш, лещ, играющий в потоке, недоступны восприятию убийц, которые видят лишь сияющее от любви лицо своей жертвы, отраженное в воде. Известно, что повышенное внимание к деталям пейзажа, изображение с его помощью тончайших движений души характерно для романтической поэзии, и в частности, для Дж. Китса, который природу "возводит в идеал" [2].

Отметим также, что обращение к природе, пасторальность является одной из характерных черт жанра "romance". По мнению исследователей, "романтическая литература в первую очередь апеллирует к природе как первооснове всего существующего. Природа органически вписывается в круг интересов романтической литературы, гармонирует с ее стремлением к обобщенности, к "вечному", со всем ее умонастроением. В природе романтическая литература пытается обрести ту точку опоры, которую не может найти в обществе... в природе отыскивается идеальное" [7]. Но если в произведениях жанра "romance" природа, как правило, представляет собой фон для идиллических отношений, то в поэме Дж. Китса картины природы выполняют несколько функций: 1) описания природы помогают раскрыть гамму чувств, бушующих в душах влюбленных; 2) служат как материал для сравнений и метафор; 3) используются как фон, оттеняющий события, то контрастируя, то подчеркивая основную линию повествования.

Контрастом с мятущимся духом Лоренцо, неспособным расстаться с "земным счастьем", воспринимается умиротворенная природа в месте его последнего успокоения. В рассказе призрака Дж. Китс снова вводит пасторальные картины безмятежной природы:

ягоды черники, буки и каштаны, бляние овец, доносящееся из-за реки, полуденное жужжание пролетающих пчел. Являясь частью природы ("*While little sounds of life are round me knelling*"), Лоренцо, тем не менее чувствует себя одиноким, оторванным от своей любимой, которая заменяет ему человечество: "*Upon the skirts of human-nature dwelling / Alone... / And thou art distant in Humanity*" [8]. И, по Китсу, Лоренцо рад бледности своей невенчанной жены, ее красота "*согревает его могилу*", и в смерти любовь все крепнет, а звуки церковных колоколов становятся для него все более чуждыми.

Как представляется, в поэме картины природы "работают" на характерную для поэзии Дж. Китса и вообще для романтической поэзии антитезу "природа – город", причем последний всегда негативно коннотирован (Срв. сонет Дж. Китса "Тому, кто в городе был заточен..."). Городская жизнь, жизнь в погоне за наживой, которую ведут братья Изабеллы, уничтожила их нравственно, привила им ложную мораль, перевернула систему ценностей. Даже убийство Лоренцо "обогащает" их: "*Each richer by his being a murderer*" ("Каждый богаче тем, что стал убийцей") [8]. Апелляция к гуманности, невинности, моральной чистоте, осуждение злобы, жестокости и жажды наживы также включает поэму Дж. Китса в ряд произведений романтической традиции, которым часто свойственен "моральный или даже морализаторский характер" [7].

Изабелла Дж. Боккаччо после отъезда Лоренцо "*очень часто и настоятельно разведывала о нем у братьев*" [1], Изабелла Дж. Китса тоже обращается к братьям с расспросами. Реакция братьев описана по-разному. Практичные купцы итальянской новеллы достаточно грубо отвечают Изабелте, обещая ей ответ, который она "заслужила". Лицемерные убийцы поэмы Дж. Китса лгут девушке, чтобы успокоить ее, но преступление уже наложило на них свой отпечаток. Дж. Китс сравнивает его с дымом Еннома, ветхозаветной долины, где древние иудеи сжигали своих детей, принося их в жертву Молоху. Как представляется, этот образ не случаен: на алтарь наживы и выгоды братья Изабеллы принесли ее возлюбленного, законы меркантильного мира, словно неумолимый Молох, требуют человеческих жертв.

О романтическом мировосприятии Дж. Китса свидетельствует не только "углубленный анализ всех фаз любовной тоски" [5, с.74], которую переживает Изабелла, напрасно ожидая возвращения Лоренцо, но и иррациональные мотивы, которые он вводит в свое повествование, замещая чудесное, характерное для жанра "romance": слова о душе Лоренцо, насильственно исторгнутой из тела и поэтому лишенной покоя, сны, в которых братья Изабеллы видят свою сестру в погребальном саване, видение девушке ее возлюбленного. В новелле Дж. Боккаччо появлению образа Лоренцо предшествуют терзания Изабеллы: "*девушка пребывала в печали и грусти, боясь сама не зная чего, более не расспрашивая о нем, и часто ночью жалостно призывала его, умоляя явиться, иной раз сетовала, проливая обильные слезы об его отлучке*" [1], и появление призрака выглядит более или менее закономерным. Дж. Китс говорит лишь об угасании Изабеллы, которое привело бы ее к тихой смерти, если бы не явление мертвого Лоренцо. С одной стороны, поэт усиливает мистические мотивы: душа, насильственно лишенная тела, мучается в своем одиночестве, а с другой, Лоренцо является поведавать Изабелле, что не судьба виной их разлуке, а "*братние кровавые дела*". Случай, играющий огромную роль в античных романах и произведениях жанра "romance", теряет свое значение. Жизнь человека зависит не от внешних, непонятных ему обстоятельств, а от других людей, общества – идея романтизма начала XIX века.

Отметим, что свидетельством романтического мировосприятия является и использование распространенного фольклорного мотива: явление мертвого жениха возлюбленной. Этот мотив встречается как в народной английской балладе ("*Sweet William's Ghost*" ("Призрак милого Уильяма")) [9], так и в европейской литературной балладе ("Ленора" Г. Бюргера, "Людмила", "Светлана" В. Жуковского, "Ольга", "Наташа" П. Катенина), что свидетельствует о его продуктивности для ориентированной на фольклор

поэзии преромантизма и романтизма. Показательно, что интерес Дж. Китса к фольклору, особенно в период 1818-1819 годов, неоднократно отмечался исследователями ("Робин Гуд", "Мег Меррилиз") [3; 4].

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание – образ смерти в поэме Дж. Китса. Примечательно, что Дж. Боккаччо не описывает мертвого Лоренцо, явившегося к Изабелле, детально, говоря лишь, что он был *"бледный и растерзанный, в рваной и истлевшей одежде"* [1]. Дж. Китс, несмотря на интерпретацию появления Лоренцо как полночного видения на грани сна и яви (*"It was a vision"*), дает физиологически точное описание умершего юноши: *"Лесной могилой юное чело / Запятнано, и губы помертвели. / От глаз к ушам два желобка прожгло / Слезами в глиняной коросте"* [6]. Даже голос Лоренцо звучит странно для живых: *"В том голосе был отзвук неземного, / Как на кладбище ветра вой ночного"* [6]. Такая картина должна бы вызывать ужас и отвращение, но мрачные знаки смерти "перечеркиваются" в поэме Дж. Китса глазами Лоренцо, исполненными любви, что не позволяет страху охватить Изабеллу. В силу возвышенного характера своей любви Лоренцо воспринимает Изабеллу как ангела (*"Seraph"* в переводе с английского – существо высшего ангельского чина, которое ассоциируется со светом, стремлением, чистотой), девушка, обращаясь к возлюбленному, называет его духом (*"Spirit"*), их любовь приобретает значение неземного чувства, что поднимает героев над бездушным миром с его материальными интересами. По мнению Н. Дьяконовой, той же цели – обособить мир влюбленных – служит и мотивировка жестокости братьев, что также контрастирует с чистотой чувства героев. И если у Дж. Боккаччо призрак Лоренцо просит Изабеллу *"чтобы она не звала и не ожидала его"* [1], то герой Дж. Китса уверяет любимую, что в смерти он чувствует все большую любовь: *"I feel / A greater love through all my essence steal"* [8], тем самым делая Изабеллу частью мира мертвых, умершего для всего, кроме любви [5, с.71].

Еще раз телесное описание смерти Дж. Китс дает в сорок пятой строфе, где упоминает черепа, кости, погребальный саван, открывающиеся тем, кто, бродя по кладбищу (традиции "кладбищенской поэзии" преромантизма), пытается проникнуть взором под толщу земли, представляя обезображенные смертью знакомые черты. Показательно, что описывая, как Изабелла находит и разрывает могилу несчастного Лоренцо, поэт уклоняется от изображения смерти. Дж. Китс отказывается представлять взору читателя работу червей (*"wormy circumstance"*) и зияющую могилу (*"yawning tomb"*), апеллируя к мягкому изяществу старинных романов и незамысловатым стенаниям менестрелей, тогда как Дж. Боккаччо с присущим ему средневековым натурализмом говорит о *"еще совсем нетронутом и не разложившемся"* теле Лоренцо [1]. У Дж. Китса изображение смерти превращается в романтический гимн любви: смерть, так же, как и жизнь, к лицу прекрасному Лоренцо, Любовь бессмертна; Изабелла, целующая мертвые губы, – вот сама Любовь, холодная, мертвая, но не поверженная: *"Love never dies, but lives, immortal Lord: / If Love impersonate was ever dead, / Pale Isabella kiss'd it, and low moan'd. / 'Twas love; cold, – dead indeed, but not dethroned"* [8].

Отметим, что Дж. Китс все же дает описание мертвого Лоренцо, точнее его головы, которую унесла с собою Изабелла. Это описание присутствует в качестве отдельных элементов в разных строфах: спутанные волосы, залепленные глиной, слипшиеся ресницы (LI), гниющая голова в горшке с базиликом, куда ее, умастив благовониями, поместила Изабелла (LIV), и где ее, покрытую отвратительными зелеными и багровыми пятнами, обнаружили братья девушки (LX). Н. Дьяконова считает, что "во внешнем уродстве Китс находит прекрасное" [5, с.77]. Как нам представляется, поэта привлекает эстетика Ужасного, являющаяся характерной чертой литературы преромантизма. По словам Дж. Китса, "прекрасными могут быть и буря страстей, и злодеяние" [5, с.132], и макабрическая картина смерти, при условии, что они свидетельствуют о силе вызвавших их чувств. Любовь "в своем высшем проявлении" порождает "существенную красоту" (*"essential beauty"*) [5, с.77], вонникающую как результат "истинного чувства", "глубокого, внутреннего и неизменного"

(У. Хэзлитт) [5, с.74, 77]. Именно это ищет Дж. Китс в поэзии Возрождения, воспринимая ее в свете романтической концепции своего наставника У. Хэзлитта.

Чувства Изабеллы не ослабли со смертью Лоренцо. Напротив, параллелизм образов влюбленных обуславливает растущую силу Любви. Из мира Изабеллы последовательно исключаются пространство, выраженное в образах небесных светил (звезды, солнце, луна), неба, природы (леса, долины и реки); время, выраженное посредством смены времен года и времени суток; ее жизнь концентрируется на горшке с базиликом, прекрасным, как и его драгоценное содержимое. С осенним увяданием природы слабеет и Изабелла, Дж. Китс открыто говорит о ее скорой смерти ("*simple Isabel is soon to be / Among the dead*" [8]), метафорически сравнивая девушку с пальмой, срубленной ради драгоценной смолы, снова подчеркивая жестокость меркантильного мира. Братья не оставляют девушку в покое, ведь утрата красоты не позволит ее сделаться невестой знатного человека. Базилик, ставший для Изабеллы всем, представляется ее братьям пустяком, из-за которого не стоит проливать слезы. Выкрыв горшок, они обрекают сестру на одинокое умирание, лишают ее полноты смерти ("*death too lone and incomplete*" [8]). У Дж. Боккаччо Изабетта, лишившись своего базилика, вскоре умирает. Дж. Китс подробно описывает угасание девушки. Для Изабеллы Дж. Китса умирает и теряет смысл все, кроме вопроса, который обезумевшая девушка задает каждому: где ее базилик и как жестоко было похищать его. Английский поэт вводит этот вопрос в песню, которую сложили о судьбе Изабеллы, чем устанавливает, по мысли Н. Дьяконовой, "внутреннюю связь между реальной историей и ее поэтической обработкой" [5, с.73], романтически объединяя поэзию и жизнь.

Таким образом, создавая поэтическое переложение новеллы Дж. Боккаччо, Дж. Китс не только наследует традициям жанра "romance", что проявляется в тематике, элементах сюжетной схемы, параллелизме образов влюбленных, изображении их переживаний, пасторальных и чудесных мотивах, а и переосмысляет события с позиций нового романтического мировосприятия, инверсируя сюжет, углубляя психологизацию, вводя элементы социальной критики, по-иному интерпретируя образы природы и заменяя чудесное иррациональным, рисуя макабрический образ смерти в духе преромантической категории ужасного возвышенного.

Литература

1. Боккаччо Дж. Декамерон. – М.: Наука, 1992 // Режим доступа: <http://lib.kharkov.ua/INOOLD/БОККАЧЧО/dekameron.txt>
2. Витковский Е. Восход Эндимиона // Китс Дж. Стихотворения. Поэмы. – М.: "Рипол классик", 1998 // Режим доступа: http://www.kulichki.com/moshkow/POEZIQ/KITS/keats2_2.txt
3. Дмитриева Е.Г. Фольклоризмы как третья семиологическая система при переводе баллад Д. Китса // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов" / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев. [Электронный ресурс] – М.: Издательский центр Факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007 // Режим доступа: www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/10/Dmitrieva.pdf
4. Дьяконова Н.Я. Джон Китс. Стихи и проза // Китс Дж. Стихотворения. "Ламия", "Изабелла", "Канун св. Агнесы" и другие стихи. – Л.: "Наука", 1986. С. 286-310 // Режим доступа: http://www.kulichki.com/moshkow/POEZIQ/KITS/keats0_1.txt
5. Дьяконова Н.Я. Китс и его современники. – М.: Издательство "Наука", 1973. – 201 с.
6. Китс Дж. Стихотворения. "Ламия", "Изабелла", "Канун св. Агнесы" и другие стихи. Издание подготовили: Н.Я. Дьяконова, Э.Л. Линецкая, С.Л. Сухарев. – Л., "Наука", 1986 // Режим доступа: http://lib.kharkov.ua/POEZIQ/KITS/keats1_2.txt

7. Рацкий И. Последние пьесы Шекспира и традиция романтических жанров в литературе // Шекспировские чтения, 1976 / Под редакцией А.А. Аникста. – М., "Наука", 1977 // Режим доступа: http://www.lib.ru/SHAKESPEARE/sh_ch76.txt
8. Keats John. Isabella; Or, the Pot of Basil. A Story from Boccaccio // Режим доступа: <http://ebooks.adelaide.edu.au/k/keats/john/poems/isabella.html>
9. The English and Scottish Popular Ballads, ed. Francis James Child, 5 vols. (1884-1898). – Vol. 2. – Charleston, South Carolina: Bibliobazaar, 2008. – 528 p. // Режим доступа: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch077.htm>

Анотація

А. ПОПОВИЧ. РОМАНТИЧНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ДЕКАМЕРОНІВСЬКОЇ НОВЕЛИ У ПОЕМІ ДЖ. КІТСА "ІЗАБЕЛЛА, АБО ГОРЩИК ІЗ БАЗИЛКОМ"

Статтю присвячено поемі Дж. Кітса "Ізабелла, або Горщик із базиликом", що є поетичним переспівом однієї з новел "Декамерона" Дж. Боккаччо. Поему розглянуто в компаративному аспекті: досліджено специфіку романтичної обробки декамеронівського сюжету, яка реалізується в наслідуванні традицій жанру "romance", своєрідній інтерпретації тем кохання, смерті, образів природи, ірраціональних мотивів, соціальної критики.

Ключові слова: романтична інтерпретація, романтична традиція, жанр "romance", тема кохання, образ смерті.

Аннотация

А. ПОПОВИЧ. РОМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДЕКАМЕРОНОВСКОЙ НОВЕЛЛЫ В ПОЭМЕ ДЖ. КИТСА "ИЗАБЕЛЛА, ИЛИ ГОРШОК С БАЗИЛИКОМ"

Статья посвящена поэме Дж. Китса "Изабелла, или Горшок с базиликом", которая представляет собой поэтическое переложение одной из новелл "Декамерона" Дж. Боккаччо. Поэма рассматривается в компаративном аспекте: исследуется специфика романтической обработки декамероновского сюжета, которая реализуется в наследовании традиций жанра "romance", своеобразной интерпретации тем любви, смерти, образов природы, иррациональных мотивов, социальной критике.

Ключевые слова: романтическая интерпретация, романтическая традиция, жанр "romance", тема любви, образ смерتی.

Summary

A. POPOVICH. ROMANTIC INTERPRETATION OF "DECAMERON" TALE IN J. KEATS' POEM "ISABELLA; OR, THE POT OF BASIL"

The article is devoted to J. Keats' poem "Isabella; Or, the Pot of Basil" that is a poetical interpretation of one of the tales of J. Boccaccio's "Decameron". The poem is considered in a comparative aspect: the specificity of romantic version of "Decameron" story is investigated, that is realized in following traditions of the "romance" genre, specific interpretation of the themes of love and death, images of nature, irrational motives, social criticism.

Key words: romantic interpretation, romantic tradition, genre of "romance", theme of love, image of death.